

8-93

Л 33

В ПОМОЩЬ
ШКОЛЬНИКУ

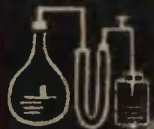
В. Л Е Б Е Д Е В

РАССКАЗЫ
О МИЧУРИНЕ

ДЕТГИЗ
1949

2815 Косин

В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ

8-93

Л 33

В. ЛЕБЕДЕВ

РАССКАЗЫ О МИЧУРИНЕ

Проверено 1954 г.
73255 н.н

ПОСТАВЛЕНА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

66.

КТО БЫЛ МИЧУРИН

Великий русский учёный Иван Владимирович Мичурин родился около ста лет назад в семье отставного военного — приёмщика ружей на Тульском оружейном заводе.

Отец Мичурина, выйдя в отставку, поселился близ маленького городка Пронска, чуть южнее Рязани. Был у него там небольшой плодовый сад.

В этом саду маленький Мичурин учился у отца искусству сажать и выращивать плодовые деревья.

Всё это очень пригодилось ему потом, когда он сам стал заниматься плодоводством.

С детства Мичурин был очень любознателен. Он не пропускал ни одной книжки, чтоб не прочесть её.

Учебных заведений, школ в те времена было несравненно меньше, чем сейчас, и попасть в них было нелегко.

Всё же Мичурину удалось кончить Пронское уездное училище.

Некоторое время он учился в Рязанской гимназии.

Но бедность не позволила ему получить законченное образование. Пришлось думать о заработке.

Юный Мичурин поступил сперва конторщиком в товарную контору на железнодорожной станции Козлов.

А потом, за развитость, ум и способность к механике, он был назначен помощником начальника станции Ряжек.

Но случайная ссора с начальником станции заставила его снова вернуться в город Козлов.

Он занял должность надсмотрщика станционных часов и других механизмов на железной дороге.

В это время ему только-только исполнилось двадцать лет.

По обычаю того времени, он рано женился. Вскоре у него появился сын Николай, а затем дочь Маша.

Теперь на руках у него была уже целая собственная семья, прибавились заботы. Но Мичурина попрежнему влекла к себе наука.

Ещё ребенком мечтал Мичурин об улучшении садов родного края, о создании новых, хороших сортов плодовых деревьев.

С годами не только не слабела, не гасла, но, напротив, всё больше усиливалась, крепла, разгоралась эта мечта.

Он хотел, чтобы в садах России росли и приносили плоды южные яблони, груши, виноград, сливы, черешни.

Мичурин смело взялся за это трудное дело и посвятил ему всю свою жизнь.

«Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё — наша задача», — часто говорил Мичурин.

За шестьдесят лет своей трудовой жизни он вывел более трёхсот новых сортов яблонь, груш, вишен, слив и других плодовых растений.

Ни один человек в мире за всю историю человечества не мог достигнуть таких необыкновенных успехов.

Работая в своём саду, он создавал совершенно новую науку — науку преобразования природы.

Конечно, труды Мичурина, его замечательные успехи и победы не могли остаться незамеченными.

Со всех концов мира стали приезжать к нему, в глухой городок Козлов, люди, услышавшие об его успехах.

Американцы дважды пробовали сманить его к себе, в Америку, но Мичурин решительно и твердо отказывался от этих приглашений, хоть и плохо ему жилось тогда в родном краю. Царское правительство не только не заботилось о нём, не помогало ему ничем, а напротив, — даже обижало и притесняло его.

Но Мичурин верил в победу рабочего класса, верил в то, что великий русский народ станет свободным и могучим и оценит его труды.

Когда под руководством большевистской партии, под руководством Ленина и Сталина трудящиеся России совершили Октябрьскую социалистическую революцию, Иван Владимирович Мичурин сразу стал на сторону молодой советской власти.

Был ветреный зимний день.

Метель бушевала над дорогой, ведущей от мичуринского сада к городу, к зданию городского совета.

Мичурин сбивал с ног ветер, снежные хлопья застилали глаза, но он, опираясь на палочку, шёл по заметённой сугробами дороге.

Когда он пришёл в городской совет и отыскал комнату президиума, там шло заседание.

Стряхнув с себя снежную пыль, Мичурин вошёл.

Участники заседания — члены городского совета — устремили на него взгляды.

— Я пришёл поговорить с вами, — сказал Иван Владимирович председателю.

Председатель с уважением подвинул Ивану Владимировичу стул и пригласил его сесть.

— Рады вас видеть, товарищ Мичурин, — сказал он. — Скажите, чем мы можем быть вам полезны?

— А я как раз шёл к вам узнать: считаете ли вы меня полезным для советской власти?.. — сказал Мичурин. — Как вы, вероятно, знаете, у меня есть сад, который я на протяжении многих лет создавал для родного народа. Царская власть меня не любила и не жаловала. Не любил и я её... Но советская власть — власть народная, власть трудящихся. Вот я и при-

шёл сказать вам, что, если мой сад представляет ценность для народа, то я прошу принять его как мой подарок Родине.

Участники заседания приветствовали его слова аплодисментами, а председатель совета подошёл к Ивану Владимировичу и сказал, пожимая его руку:

— О вашем чудесном саде мы все очень хорошо знаем. Советская, народная власть с благодарностью принимает от вас этот замечательный дар. Мы со своей стороны сделаем всё необходимое, чтобы помочь вам в ваших трудах. Мы не только сохраним ваш сад, но и поможем вам его расширить.

Это не осталось просто словами.

Через некоторое время сам Владимир Ильич Ленин приказал представить ему подробный доклад о работе и достижениях Мичурина.

Иван Владимирович был зачислен на советскую государственную службу.

Сад его приняли на полное государственное обеспечение.

А ещё через некоторое время к Мичурину приехал с личным приветом от Ленина его друг и соратник — Михаил Иванович Калинин.

Иван Владимирович показал дорогому гостю замечательные деревья, рассказал о том, как постепенно выводил он в своём саду необыкновенные, чудесные плоды.

На прощанье Михаил Иванович Калинин крепко пожал Мичурину руку и сказал:

— Я многое ожидал у вас увидеть, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Советская страна может гордиться таким гражданином.

В 1925 году Иван Владимирович Мичурин был награждён высшим в то время орденом советского государства — орденом Трудового Красного Знамени, а ещё через некоторое время — орденом Ленина, как только этот орден был учреждён.

Советское правительство заботилось о том, чтобы Мичурин имел всё необходимое для расширения своей работы.

Ему были отведены для садов новые площади земли, были выстроены новые, прекрасные лаборатории.

Десятки тысяч людей со всех концов советской страны являлись к Мичурину — посмотреть его сады и научиться у него великому делу преобразования природы.

Для того, чтобы великий русский учёный садовод мог передавать свои знания и опыт молодёжи, в городе Козлове было создано специальное высшее учебное заведение — Институт садоводства имени Мичурина.

А ещё через некоторое время и самый город Козлов был переименован в город Мичуринск.

Шли годы.

Близилось восьмидесятилетие со дня рождения Ивана Владимировича Мичурина. Советская страна готовилась торжественно отпраздновать юбилей своего учёного. Мичурин знал о приготовлениях, и его охватило глубокое волнение.

Ему захотелось выразить огромное чувство благодарности народу, оценившему его труды и достижения.

Целую ночь сидел Иван Владимирович Мичурин за своим письменным столом и писал

письмо в Москву, в Кремль, Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Он писал о том, как советская власть помогла ему, Мичурину, в его трудах, превратила его скромный сад в могучий очаг науки.

„...Коммунистическая партия и рабочий класс дали мне всё необходимое, — писал Мичурин в своем письме. — Советское правительство наградило меня высшей для гражданина нашей Родины наградой, переименовав город Козлов в город Мичуринск, дало мне орден Ленина, богато издало мои сочинения.

За всё это Вам, руководителю, дорогому вождю трудящихся масс, строящих новый мир — мир радостного труда, приношу всеми шестидесятью годами моей работы благодарность, преданность и любовь.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Мне уже восемьдесят лет, но та творческая энергия, которой полны миллионы рабочих и крестьян Советского Союза, и в меня, старика, вселяет жажду жить и работать под Вашим руководством на пользу дела социалистического строительства нашего пролетарского государства.

И. Мичурин“.

К утру письмо было закончено, переписано и отправлено в Москву.

Ответ на это письмо пришёл очень быстро. Он был передан из Москвы по телеграфу:

„Товарищу Мичурину Ивану Владимировичу.

От души приветствую Вас, Иван Владимирович, в связи с шестидесятилетием Вашей плодотворной работы на пользу нашей великой Родины.

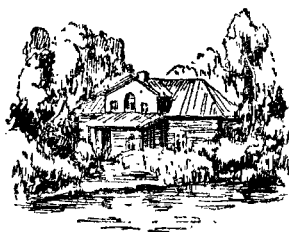
Желаю Вам здоровья и новых успехов в деле преобразования плодводства.

Крепко жму руку. И. Сталин.

С ещё бóльшим жаром стал трудиться Мичурин для блага советского народа.

Но это были уже его последние работы.

Жизнь великого преобразователя природы близилась к концу.

МИЧУРИН И „КИТАЙКА“

Когда Мичурин был маленький, у его отца был сад. В саду росли разные деревья: груши, яблони, сливы и вишни. Но плоды на деревьях вызревали не очень вкусные, да к тому же — мелкие.

Особенно мелкие яблочки получались на деревце, которое называлось „китайка“. Были эти яблочки чуть побольше вишни, — вот какие были они мелкие. Да и деревцо само тоже было маленькое, хотя и красивое: стройное, кудрявое такое.

Однако Ваня Мичурин очень любил крохотные яблочки „китайки“. Во-первых, они тоже были красивые, золотистые, румяные. А во-вторых, очень удобно было набирать их в карманы. Постоянно ходил Ваня с китайскими яблочками в карманах. Они ему и вместо солдатиков служили, когда он играл, они и вместо снарядов годились, и вместо мячиков, и для любой другой игры, где нужны были шарики.

Но он знал, что внутри яблочек есть и зёрнышки, семена. Маленький Ваня доставал из своих „мячиков“ коричневые остренькие се-

мечки и, когда приходила тёплая солнечная весна, сажал их где-нибудь в укромном месте в землю.

Из семечек прорастали тоненькие зелёные всходы и потихоньку росли, поднимались вверх. Они делались всё крепче и покрывались листочками.

Из них тоже должны были вырасти деревца „китайки“, но Ваня не дождался этого. Он уехал из дома, где прошло его раннее детство в городок Пронск, потом в город Рязань, а потом и совсем далеко от родного гнезда — в город Козлов.

Так ему и не удалось увидеть, какие деревья выросли из тех семечек, которые он посадил, когда ему было восемь лет.

Но он не забыл про свою любимицу „китайку“ даже и тогда, когда стал взрослым. Как только он завёл свой собственный сад, он сейчас же посадил в нём несколько деревцов „китайки“.

Деревца эти были неприхотливые: не боялись никаких холодов и морозов, совсем как дикие лесные яблони!

Соседи и знакомые удивлялись, зачем он сажает в саду такие деревца.

— Ведь ты от них одну никудышную мелочь получишь, — говорили они молодому Мичурину. — Зачем они тебе?

Мичурин не любил хвалиться раньше времени.

— Поживём — увидим, — кратко отвечал он на вопросы и упрёки соседей.

А сам, день за днём, обдумывал, как добиться того, чтобы и на „китайке“ стали родиться крупные сладкие яблоки.

И вот что он придумал. Все вы знаете, вероятно, что у цветов имеется пыльца. Она образуется ещё в бутоне, пока цветок не раскрылся.

Если ткнуть в серединку яблоневого цветка пальцем, то на кончике пальца останется желтоватый или розовый налёт. Пчёлы и шмели, перелетая с цветка на цветок, всегда перепачкаются в этой пыльце. А если потрясти цветок над бумагой, то на бумагу осыплется душистая цветочная пыльца.

Вот Мичурин и решил достать пыльцу от цветов хороших южных яблонь. Он написал письма крымским и кавказским садоводам и попросил прислать ему пыльцу с цветов тех яблонь, которые растут в их краях.

Хоть и удивились садоводы необыкновенной просьбе, но всё-таки некоторые из них её выполнили.

Мичурин получил несколько пакетов, в которые была насыпана нужная ему цветочная пыльца.

Из Крыма ему прислали пыльцу хорошей южной яблони „кандиль-синапа“, с Кавказа — пыльцу яблони „шафрана“.

Обрадовался Мичурин этим лёгким пакетикам, как самому дорогому подарку.

Как раз деревца его садовой любимицы — „китайки“ — цвели в это время.

Рано утром он вышел в свой садик и начал удивительную работу.

Пробочкой, насаженной на кусок проволоки, он набирал из пакетиков присланную пыльцу и переносил её на цветы „китайки“.

А затем, чтобы пчёлы, шмели и бабочки не нанесли другой, ненужной пыльцы, Мичурин обвязал эти цветы „китайки“ прозрачными марлевыми мешочками, наподобие чехлов. Сквозь марлю пчеле и шмелю не пробраться, а солнце и воздух проходят свободно. А без света и воздуха яблоку не созреть.

Опылил Мичурин свою „китайку“ пыльцой „кандиль-синапа“ и „шафрана“ и стал терпеливо ждать, что́ будет дальше.

Некоторые из соседей заметили, что он делает с цветами „китайки“ что-то новое, и опять начали к нему приставать с расспросами:

— Для чего это вы, Иван Владимирович, вольный цвет в мешочки завязали?..

— Поживёте — увидите, — опять несловоохотно ответил Мичурин, не желая раньше времени хвалиться.

К осени под марлевыми чехлами-колпачками вызрели яблочки. По виду они мало чем отличались от остальных, от тех, на которые южной пыльцы не попало. Но Мичурина это не смутило.

Он знал, что скоро только сказка сказывается, а дело делается не так скоро, да ещё к тому же такое, какое он задумал.

Заботливо собрал он со своих деревцов „китайки“ все яблочки, созревшие под марлевыми чехлами, и сберёг семечки их до новой весны.

Весной он посадил эти семечки в землю, и вот уже теперь он стал ждать новинок всерьёз.

По семь, по восемь, а то даже по десять и по двенадцать лет нужно было ждать, пока-то вырастут из необыкновенных семечек взрослые новые деревца! Да к тому же, не просто вырастут, а и зацветут, без чего, как известно, и яблоки на них появиться не могут.

Но вот начали зацветать деревца, выращенные Мичуриным из особенных семечек, из тех семечек, которые семь-восемь лет назад вызрели в цветочных гнёздах „китайки“, опылённых южной пыльцой.

Сам не свой ходил Мичурин всё лето после того, как осыпался первый цвет с обновлённой „китайки“.

Наступила осень. С огорчением увидел Мичурин, что на молодых деревцах вызревали мелкие и некрасивые яблочки. Они были почти такие же безвкусные, как и плоды яблони „китайки“.

„Всякий на моём месте не задумался бы уничтожить деревцо как негодное“, — вспоминал потом Мичурин.

Но великий садовод не сдался. Он знал, что трудно сразу добиться удачи.

Много ещё пришлось потрудиться Мичурину. Он заботливо следил и ухаживал за своими любимцами, помогал им развиваться и постепенно плоды на деревцах становились всё больше и лучше.

Наконец сбылось то, что задумано было Мичуриным.

На скромных небольших деревцах вызревали теперь совсем не прежние яблоки, не такие мелкие, как у „китайки“, не кисленькие, не терпкие на вкус, а сладкие, сочные, да и видом своим непохожие на китайские яблочки.

От крымской пыльцы вызрели яблоки, похожие на золотые бочонки, как бы налитые янтарным вином, — точь в точь такие, как крымский „кандиль“.

А от кавказской пыльцы „шафрана“ получились словно огненные шары, с ярким пламенем пунцового румянца на жёлтой, почти оранжевой кожице.

Великая победа над природой была одержана Мичуриным! Он сделал то, чего не удавалось до него сделать ни одному садоводу: заставил

скромную мелкоплодную „китайку“ принести, в конце концов, как раз такие плоды, какие задумал и наметил для неё он сам — Мичурин.

Оправдала его надежды и заботу любимица его детства — садовая „золушка“ — „китайка“, то самое деревцо, которое совсем не ценили другие садоводы.

Но Мичурин ведь и не был просто садоводом. Он был великим русским учёным, открывшим законы, по которым человек может преобразовывать, улучшать природу!

А Мичурин мечтал вывести такие яблоки и груши, что были бы лучше южных, привозных.

Ему хотелось узнать, не сумел ли уже ктонибудь в России вывести подобные яблоки. Если такие яблоки уже существуют, — посмотреть на них, поучиться у людей искусству плодоводства.

Немало было у Мичурина приключений во время этого путешествия.

Он услышал, например, что есть неподалёку от города Курска большой сад, принадлежащий помещику — немцу Авенариусу, и что растёт будто бы в этом саду замечательная яблоня „пепин“, — одна из лучших в мире яблонь.

Мичурин решил побывать в саду у помещика Авенариуса, которого окрестный народ насмешливо называл „баринoм Свинарюсом“.

Мичурин попал в сад как раз в тот момент, когда там занимались не очень красивым делом.

Да, „пепин“ рос верно в этом саду, но как рос? Чтобы составить себе славу и известность, помещик „Свинарюс“ распускал слухи, что у него „пепин“ растёт свободно, без всяких укрытий. На самом же деле, — пришёл Мичурин и видит, как на глазах у него несколько садовых рабочих, под командой управителя Фридриха Гангарта, укрывают „пепин“ на зиму в специальный домик-павильон.

И справа, и слева, и сзади, и спереди, и сверху — составляют, сколачивают рабочие деревянные рамы со вставленными стёклами, чтоб не могли затронуть „пепин“ зимние морозы!

„Вот так обман! — думает Мичурин. — Разве это народу доступно, каждую яблоню на зиму этак укрывать!“

А потом попал Мичурин к другому помещику, уже не к немцу, а к русскому — по фамилии Саблуков.

Саблуков тоже славился тем, что в саду у него будто бы растут необыкновенные яблоки; но, как видно, и у него не всё было ладно с этим делом.

Когда пришёл к нему молодой Иван Владимирович Мичурин, Саблуков внимательно его осмотрел. Разглядел и скромную его одежду, заметил и смелый, правдивый взгляд Мичурина.

— Не пушу я тебя к себе в сад! — сказал он Мичурину.

— Почему? — спросил Мичурин.

— Не пушу, да и всё, — сердито повторил Саблуков. — Ты мне не нравишься: на смутьяна похож, на помещичьего врага.

— И вы мне тоже не нравитесь, — не остался в долгу Мичурин. — Вы на волкодава похожи, господин помещик...

Саблуков пришёл в ярость и хлестнул Мичурина плёткой-арапником. Мичурин не стерпел такой обиды, — подмял помещика под себя.

Еле спасли помещика прибежавшие слуги. Мичурина скрутили, связали и посадили под замок в чулан. А Саблуков послал гонца за полицией. Утром должен был приехать полицейский пристав. Мичурин не стал дожидаться утра. Он разломал стенку чулана, в который его посадили, и ушёл через сад на волю.

Но вот, наконец, он попал действительно в необыкновенный сад.

Хотя владельцем этого сада был тоже помещик — Илья Ильич Кречетников, — но, невпри- мер другим, он принял Мичурина гостеприимно, радушно.

Он сам повёл молодого гостя по всему саду; и здесь уж, правда, было на что посмотреть. Яблони, груши и другие деревья росли здесь не как в других садах, а какими-то удивительными фигурами.

Вот стоит вроде как и дерево и не дерево: невысокий ствол, а на стволе поперечина в обе стороны... А на поперечине поднимаются кверху другие стволики. Если кто из вас видел на картинках мексиканские кактусы, так вот — похоже немножко.

— Хорошо деревцо? — подмигивая, спрашивает Кречетников и по плечу похлопывает Мичурина.

Ходит Мичурин с приветливым хозяином по необычному саду и удивляется: для чего всё это сделано?

А Кречетников ему разъясняет:

— Не хочу, чтобы мой сад на другие сады похож был, вот так и делаю... Хочу, чтоб всё было по-научному...

Хотел ему Мичурин сказать, что наука — не фокусы, но не решился доброго хозяина обидеть.

А тот всё ученостью своей похваляется:

— Я свои деревья особым дымом окуриваю и особой жидкостью опрыскиваю, а на зиму особой паклей обвязываю... Всё по-научному, всё по-научному.

„Нет, — думает Мичурин, — это ещё не настоящая наука! Настоящая наука будет тогда, когда никакой пакли не понадобится деревьям, чтобы вызревали на них, не боясь холода, прекрасные яблоки и груши“.

Когда угостил его Илья Ильич своими яблоками, правда неплохими, захотелось Мичурину семечки от них с собой взять.

Он украдкой стал эти семечки по карманам рассовывать.

Съест яблоко, а семечки тихонько спрячет.

Однако хозяин заметил это, да вдруг и спрашивает:

— Ты что же это, молодой человек, с семечками делать собираешься?.. Разве ты не знаешь, что, по мнению науки, из семечек нельзя вырастить хорошую яблоню?..

Но Мичурин как раз считал, что можно, только не сразу, а после скрещивания — опыления её цветов пылью другой яблони.

Он сказал об этом хозяину, и тот задумался. Сидит, молчит и думает.

А потом велел Кречетников подать ему ножницы, бумагу и клей; наделал пакетиков и заставил Мичурина разложить семечки по пакетикам да надписи сделать.

— Всё надо делать по-научному! — сказал он Мичурину после этого.

Он, конечно, и не подозревал в то далёкое время, что его молодой гость — Мичурин создаст настоящую науку садоводства, замечательную науку выведения новых растений!

МИЧУРИН И РОЗЫ

В саду у Ивана Владимировича Мичурина было очень много красивых цветов.

Росли, цвели в саду у него и пурпурные лилии, и белоснежные нарциссы, и розовые да голубые гиацинты, и алые шпажники, и тёмнокрасные георгины,

левкой всех оттенков, тюльпаны, гортензии...

Но больше всего Иван Владимирович занимался розами.

Мичурин неспроста ими занимался. Он старался вывести такие розы, каких люди ещё не видели никогда: розы необыкновенных расцветок и размеров. Великий преобразователь природы учился на них искусству скрещивать растения.

А для того, чтобы этого добиться, нужно было тоже прибегать к помощи пыльцы.

Вероятно вы знаете, как смешиваются краски. Если соединить краску красную и жёлтую, — получается цвет оранжевый. Если смешать красную краску с синей, — выйдет фиолетовая. Если розовую — с голубой, — будет сиреневая. А если

смешать яркокрасную краску с светлоголубой, то получится малиновая.

Примерно так же действовал и Мичурин.

Он перенёс пыльцу красной розы на цветы жёлтой розы, скрестил их. Из семян, которые получились после скрещивания, Мичурин постепенно вывел новые огненно-оранжевые розы. Скрещивая белые розы с оранжевыми, он получил поразительно красивые, кремовые... А от скрещивания алых роз с белыми у него получилась почти сиреневая красавица-роза.

Почти сиреневая, но всё-таки не совсем. Чуть-чуть нехватало голубоватого тона. А где было его взять, если ни синих, ни голубых роз не было и в помине на свете?

Мичурину очень хотелось вывести голубую розу. Он стал присматриваться к своим белым розам: нет ли среди них таких, у которых имеется голубоватый оттенок.

Такие розы нашлись. Мичурин скрестил их между собою и получил розу, у которой голубой оттенок был уже заметнее. Роза была, конечно, белая, но голубоватый тон в её лепестках сквозил довольно-таки явственно.

Но это был только первый шаг. Роза, как известно, вырастает и начинает цвести очень быстро, не то, что её сёстры по растительному миру — яблони, груши, сливы. За это и любил Мичурин розы. Они были ему очень удобны для опытов по скрещиванию.

Ещё несколько раз повторил Иван Владимирович скрещивание голубовато-белых роз друг с другом и добился, наконец, того, что у него вышла роза, хотя и белая, но такая, у которой голубоватый оттенок выступал всё сильнее. Он так и назвал эту розу — „мать синих“.

Теперь он решил скрестить эту выведенную им голубоватую розу с алой розой. Он надеялся, что у гибрида, то есть у помеси этих роз, голубоватый оттенок должен проявиться ещё сильнее.

Получилось, правда, не совсем то, чего он хотел, но он был всё же очень рад: вывелась роза не алая и не белая, а настоящая сиреневая, о каких он тоже мечтал.

Это уже была немалая победа, но Мичурин на этом не успокоился. Сиреневую розу он начал скрещивать с голубовато-белыми и, наконец, получил такие розы, которые скорее можно было назвать голубыми, чем белыми. Таких роз никогда ещё не бывало на свете.

Огромное терпение проявил он и в этом деле, как и во всех других своих делах и замыслах.

Молва о его необыкновенных розах распространилась по всей России, дошла даже и за границу.

К нему стали приезжать и русские любители роз, и иностранцы.

Иностранцам он обычно отказывал, не продавал им отводков от своих чудесных роз, но своим, русским людям позволял брать розы для разведения.

Услыхала про замечательные розы Мичурина и Софья Андреевна Толстая — жена великого русского писателя Льва Толстого.

Лев Толстой тоже любил розы, и жена его захотела доставить ему приятное. Она лично приехала к Мичурину и попросила продать ей несколько кустов его удивительных роз.

Мичурин очень ценил и уважал Льва Толстого. Кроме того, они были почти соседи: усадьба Льва Толстого „Ясная Поляна“ находилась не-

подалёку от города Козлова, где жил Мичурин.

Иван Владимирович сказал своей гостье так: — Роз я вам не продам не только что ни одного куста, но даже и ни одного отводка... Но если великому писателю Толстому будет приятно иметь мои розы, я подарю ему всё, что вы сочтёте нужным выбрать.

Сколько ни спорила с Мичуриным Софья Андреевна, сколько ни уговаривала его принять деньги, Иван Владимирович наотрез отказался.

Он выбрал из своих роз самые лучшие, тщательно упаковал семена и отводки и послал этот ценный подарок Льву Николаевичу Толстому.

До конца дней своих любил Мичурин розы и не переставал ими заниматься.

Пионеры-школьники, приходя в сад Мичурина, не могли налюбоваться на это украшение его чудесного сада. Розы у Мичурина росли и цвели повсюду: вдоль дорожек и изгородей, между деревьями, прямо на земле, даже без клумб. Красные, алые, огненно-золотистые, кремово-чайные, сиреневые, белоснежные и голубоватые, — они так и сверкали на солнце своими яркими красками.

Мичурин и для роз придумал защиту от холодов, от морозов. Он приучил свои розы расстилаться по земле, для того чтобы снег зимой надёжно и плотно укрывал их от капризов погоды.

КАК В КОЗЛОВЕ СОЗРЕЛ ВИНОГРАД

Не мирилось сердце Мичурина с тем, что виноград в Козлове можно было есть только привозный, с юга. Нужно было покупать его по дорогой цене у торговцев фруктами. А был виноград так дорог, что простым людям, рабочим и ремесленникам, невозможно было даже к нему и подступиться.

И вот решил Мичурин вывести в городе Козлове свой собственный северный виноград.

Совсем уже неслыханное было это дело! Как только узнали соседи-горожане, что Мичурин выписал с юга виноградных отводков, лозовых черенков, — они его просто насмех подняли:

— С ума сошёл наш Мичурин! Ну-ка, что затеял: виноград в городе Козлове выращивать! Да ведь это всё равно, что Чёрное море с Белым морем поменять местами...

А Мичурин как раз и выписал с юга черенки двух сортов винограда — „белого“ и „чёрного“.

Слыша насмешки соседей, он сурово шутил: — Скрещу чёрный виноград с белым, — вот они и поменяются местами.

Сначала осторожно, в сарае, укрытом от ветров, но не отапливаемом, прикопал, то есть посадил в землю, Мичурин черенки выписанных виноградных лоз.

Потом, когда они окрепли и развились, Иван Владимирович перенёс их на открытое место в саду: выкопал вместе с корнями и пересадил в приготовленные ямки.

Виноградные лозы в зимнюю пору тоже почти полностью прикрывал снег, и поэтому морозы им были не страшны. Но Мичурину хотелось, чтобы на этих лозах успевал за лето созреть хороший — сладкий, сочный и крупный — виноград.

Однако это оказалось очень трудным делом.

Северное лето коротко и дождливо. Солнечного света нехватает для винограда, нехватает и тепла, к которому привык виноград на юге.

Чего только ни делал Мичурин, чтобы приспособить виноград к климату города Козлова! Он выписывал виноградные лозы из таких мест, где климат несколько суровее, чем в Крыму, например с Дона, из Рейнской области, даже от канадцев.

„Астраль“, „буйтур“, „голиаф“, „каскад“ — вот какие были названия сортов, которые выписывал Мичурин, чтобы улучшить свой северный виноград.

Он делал с виноградом то же, что делал с „китайкой“ и с розами. Мичурин собирал пыльцу и опылял мелкоягодные лозы пыльцой с крупноягодных и сладких. Но сколько он ни старался, капризный виноград не очень-то ему подчинялся.

Упрямылся прихотливый, избалованный южный гость!

Но Мичурин всё-таки его победил...

В одном из научных сочинений, по которым Мичурин изучал растительность всего земного шара, он нашёл описание винограда, растущего в тайге. Вот так-таки и растёт среди привольной дикой Уссурийской тайги, на Дальнем Востоке, близ Тихого океана, без всяких укрытий и защиты — то ли одичавший, то ли от природы дикий виноград.

Мичурин, по обычаю своему, написал несколько писем жителям Дальнего Востока: научным работникам, охотникам, военным людям.

Он просил прислать ему отводков этого дикого таёжного винограда.

Дальневосточники откликнулись на его просьбу. Мичурин получил из Уссурийского края черенки и отводки таёжного винограда.

Совсем уже подняли его насмех соседи и в особенности козловский торговец фруктами француз Дюльно.

— Ви совсем потеряль ваш рассудок, мосье Мичурин, — потешался он над Иваном Владимировичем. — Что ви хотите сделать из этот дикарь?..

А Мичурин уже придумал, что́ надо делать. Он скрестил таёжный виноград с хорошим южным сортом, а то, что получилось, соединил с уже обжившимися у него сортами „белый“ и „чёрный“.

Прошло не очень много времени, и в саду у Ивана Владимировича Мичурина на могучих лозах созрели тяжёлые гроздья северного винограда, сладкого, сочного, крупноягодного!

Посрамлены были все насмешники, все, кто не верил в замысел Мичурина. Когда француз

Дюльно попробовал выведенный Мичуриным виноград, он смущённо сказал:

— Прошу извинить меня, мосье Мичурин. Ви есть настоящий чудодей... Только боюсь, что мне теперь придётся закрывать моя торговля...

Мичурин, хоть и недолюбливал торгоша-иностранца, всё-таки успокоил его:

— Виноградом своим торговать я не собираюсь... Но если кто-нибудь пожелает разводить мой виноград, — тем буду давать и черенки и отводки.

Молва о винограде Мичурина, как и о розах его, пошла по всей России. К нему и за виноградными отводками стали приезжать люди со всех концов страны.

Охотнее всего Мичурин давал свой виноград простым людям, крестьянам и рабочим.

Сейчас не редкость встретить мичуринский виноград даже в таких суровых местах, как например берега северных рек — Ветлуги и Унжи, и ещё севернее — в Вологодской области, даже в Архангельской.

По многу килограммов винограда собирают жители севера с замечательных мичуринских лоз. Они с благодарностью хранят память о великом преобразователе природы, смело передвинувшем юг на север!

ГРУШЕЯБЛОНЯ И ЧЕРЕМВИШНЯ

Вас, наверно, слегка озадачат эти необыкновенные слова...

— Что они обозначают? — зададите вы вопрос.

Об этом мы сейчас вам расскажем.

Была у Мичурина в саду яблоня, приносящая огромные яблоки; судите сами, — как два яблока, так и кило-

грамм, а то даже и больше!.. Потому и назвал Мичурин эту яблоню „полуторафунтовкой“.¹

Мичурин очень ценил эту яблоню и производил с ней разные опыты. Из её семян он выращивал много молодых деревцов-сеянцев и отбирал из них самые лучшие, самые удачные.

Однажды после скрещивания из семечка „полуторафунтовки“ вырос сеянец, — по всему виду своему настоящий „ренет“. А „ренет“ — это была одна из лучших в мире яблонь.

Мичурин взял с необычного, ещё не взрос-

¹ Ф у н т — дореволюционная мера веса, равная четырёмстам граммам.

лого, деревца так называемые „глазки“, то есть почки, из которых должны были развиваться плодоносные ветки. Он пересадил их на трёх-летний сеянец груши, то есть на другое молодое деревцо, только на грушевое, а не на яблоневое.

Такое пересаживание веточки или почки с одного растения на другое садоводы называют „прививкой“.

Прошло некоторое время. Грушевый стволлик почему-то начал хиреть, и Мичурин, чтобы спасти яблоневый прививок, то есть веточку, отросшую из привитого „глазка“, взял да и пригнул эту ветку к земле.

К его удовольствию и радости, веточка-прививка пустила в землю свои собственные корешки. Тогда Мичурин отрезал её от стволика груши и дал ей расти на собственных корешках.

Вскоре прививок выпрямился, точь в точь как игрушечный „ванька-встанька“, и стал расти самостоятельно. Мичурин так и назвал его в шутку: „ванька-встанька“.

Прошло ещё три года, и вдруг „ванька-встанька“ совершенно неожиданно зацвёл. А осенью того же года принёс и плоды.

Это были удивительные плоды. Хотя они и созрели на яблоне, но вид у них был почти как у груши. И вкус был похож на грушевый, средний какой-то между грушевым и яблочным!

Такой смешанный плод называют „гибридом“.

Мичурин получил новый гибрид, причём уже не так, как получал свои прежние гибриды, — не через опыление пыльцой, а посредством прививки.

А вместо прежнего шуточного названия

„ванька-встанька“ Мичурин дал своему необычайному питомцу новое, научное название: „рениет бергамотный“.

Первая половина этого названия — слово „рениет“ — обозначала его яблочное родство, а вторая — слово „бергамотный“ — обозначала его родство с грушами. Как известно, „бергамот“ — это один из лучших сортов груш.

Вот так-то и появилось в саду у Мичурина новое, небывалое растение, которое нельзя было назвать иначе, как грушеяблоней.

Много новых важных мыслей вызвал у Ивана Владимировича Мичурина этот замечательный смешанный плод.

Оказывалось, что можно соединять между собой совсем разные растения, а не только яблоню с яблоней или вишню с вишней, или грушу с грушей, и соединять их не только пыльцой, но и прививкой.

И, конечно, Мичурин стал продолжать такие опыты по скрещиванию разных растений.

Между прочим он задумал скрестить черёмуху с вишней.

Все вы знаете, как красиво цветёт весной на просторах нашей страны душистая белоснежная черёмуха. Какие красивые букеты получаются из черёмухи! В редком доме не стоят в мае ароматные эти цветы.

Но цветы — цветами, а ведь из цветов должны и ягоды получаться. И всем тоже известно: хотя красив белый кружевной весенний цвет черёмухи, но невкусны, терпки и мелки черёмуховые ягоды.

Мичурин решил попробовать, не улучшатся ли ягоды черёмухи от соединения черёмухи с вишней.

И вот он начал скрещивать черёмуху с вишней. Не сразу пришла удача и в этом деле. Но она всё-таки пришла!

Сперва нужно было умело опылить цветы вишнёвого дерева черёмуховой пылью, потом дожждаться, когда вырастут из гибридных семян новые молодые деревца, потом выбрать из этих молодых деревцов такие, которые имели бы что-то и от вишни, что-то и от черёмухи.

Потом нужно было дожждаться, когда эти деревца-гибриды зацветут и принесут уже свои собственные плоды, свои невиданные ягоды.

К радости Мичурина, деревцо — помесь черёмухи и вишни — зацвело скорее, чем он предполагал.

Но плодики, которые вызрели из первоцвета, оказались не такими, о каких мечтал Мичурин. Были они гораздо мельче вишни и горьковатые на вкус.

Однако главное, чего добивался Иван Владимирович, было всё-таки сделано: помесь вишни с черёмухой была создана.

Как же Мичурин назвал это новое деревцо, никогда ещё не существовавшее на земном шаре, деревцо, созданное его мыслью и руками?

Как человек науки, он назвал этот удивительный гибрид по-научному, латинским именем: „церападус“.

А перевести на русский язык это длинное непонятное слово можно только составным словом „черемвишня“.

Ещё немало было у него хлопот с „черемвишней“. И всё-таки, в конце-концов, удалось Ивану Владимировичу Мичурину сделать ягоды „черемвишни“ и сладкими и размером только чуть-чуть поменьше, чем у вишни.

Но о ббльшем он и не мечтал: ведь если бы „черемвишня“ получилась совсем как вишня, — значит, незачем было и дело затевать! Ему же важно было сделать черёмуху сладкой.

В семью удивительных обитателей чудесного мичуринского сада вошло действительно новое растение, ставшее гордостью Ивана Владимировича.

Вот теперь вам, надеюсь, совершенно понятно, что обозначают странные слова, которыми озаглавлен этот рассказ.

ХОРОШИЙ УРОК

Сад Ивана Владимировича Мичурина стоял особняком, на излучине реки. Место, которое он занимал, было похоже на полуостров. Однако невдалеке было два больших посёлка: слобода Донская и село Панское; да и город Козлов находился не так уж далеко: километр, — не больше.

И сельские и городские ребята очень интересовались садом Мичурина, только не так, как сейчас — пионеры, — не по-хорошему. Дело было задолго до революции, — ни пионеров, ни юннатов не было тогда и в помине. А родители не разъясняли ребятам, кто такой Иван Владимирович Мичурин, не внушали им уважения к великому учёному. Они и сами толком не знали в то время, какой он замечательный человек.

Частенько ребята делали набег на чудесный мичуринский сад, перелезали через решётку или подкапывались под неё и, улучив момент, когда Ивана Владимировича не было в саду, хозяйничали над замечательными деревьями по-свойски: срывали яблоки и груши, порою

ещё незрелые, а то даже целые ветки обламывали с любимых деревцов Мичурина.

Много огорчений доставляли эти набеги Ивану Владимировичу.

Ждёт он, например, нового сорта, следит и любит, как наливается новое, ещё небывалое яблоко. Вдруг приходит в сад, и — о ужас! — обобрана яблоня, стоит пустая: ни одного плода на ней не оставили глупые и озорные мальчишки!

Нанимать сторожей Ивану Владимировичу в те времена было не на что: он был беден, а царское правительство ему не помогало. Собак больших, сильных, а стало быть, и прожорливых, тоже не по средствам ему было держать. Была у него только рыженькая собачка-лайка, но одна она устеречь весь сад, конечно, не могла.

Озорные ребята забирались в мичуринский сад либо ночью, либо в утренний ранний час и орудовали там безнаказанно. Действовали они всегда кучками, выставляли дозорных и при малейшей тревоге разбегались, как мыши, или бросались в реку, как лягушата. Только брызги летели!

Одного из главных участников ребячьих набегов звали Павлушкой. Это был мальчуган с кудлатой головой, с волосами соломенного цвета, коренастый и плотный. На деревьях он был самый ловкий, но на бегу немного тяжеловат.

И вот однажды Иван Владимирович подстерг Павлушку с его ватагой.

— Попался, разбойник! — громовым голосом сказал Мичурин, схватив Павлушку за плечо.

Друзья Павлушки тем временем уже удрали. Мичурин всмотрелся в пойманного мальчугана.

Весь белый от страха, Павлушка дрожал, как осиновый лист.

„Пропал я теперь“, — мелькало у Павлушки в вихрастой голове.

Но Мичурин только потрянул его как следует, а потом и говорит озорнику:

— Как вам не стыдно, ребята, мой сад обворовывать? Ведь это не простой сад, а сад, который я для вас же ращу, для всего народа... Вам невдомёк, что этим яблоням, грушам и вишням цены нет! Дороже золота эти груши и яблони... Ты вот стащишь красивое яблоко, съешь его и всё, а я, быть может, из него, из этого яблока, из его семечек, такие деревья вывел бы, какие и во сне тебе никогда не снились!

Павлушка продолжал дрожать и сопеть от страха.

— Все вы до готового охотники, — продолжал Мичурин, разговаривая как бы сам с собою. — А того не понимаете, что не готово ещё угощение. Пойми ты это, — не го-то-во! Когда готово будет, сам вас всех позову. Столы расставлю. Грудами на них яблоки да груши положу... Ешьте, радуйтесь, поздравляйте Мичурин с удачей!

Павлушка не очень понимал, что говорит ему Мичурин, но стыдно ему уже стало.

Мичурин подвёл незваного гостя к деревцу, ветки которого были покрыты ещё незрелыми, но уже красивыми яблочками.

— Вот, гляди в оба!.. Вам это — шишечки простые, откусил да выплюнул, а я через не-

сколько лет из этого деревца выведу яблоки, каких и в Крыму найщешься. Я вот так жду-жду годами целыми, берегу, выращиваю новый сорт, по десять, а то и по пятнадцать лет жду, а вы ворвётесь в мой сад, да всё дело мне и испортите в один час.

Все свои лучшие деревья показал Мичурин Павлушке.

Водит и водит его по саду, и бить не бьёт, и отпускать не отпускает.

Много интересного узнал от Мичурина Павлушка за время этой страшной, но занятой прогулки по саду.

— Вырастешь, может, и сам будешь такие яблоки да груши выводить, — время от времени повторял Мичурин. — Вот тогда и припомнишь, что я тебе сегодня говорю...

Дрожать Павлушка мало-помалу перестал, но сопеть продолжал, готовый вот-вот разреваться от стыда, который всё больше его разбирал.

„Хоть бы уж дал он мне хорошего тумака да отпустил, наконец. — с тоской думал Павлушка в эти минуты. — Лучше сквозь землю провалиться, чем такой срам переносить...“

Но вот обошли они сад, и повёл Иван Владимирович Павлушку, — куда бы вы думали? Не к воротам, не к калитке, нет! Мичурин повёл Павлушку к себе в дом, всё так же держа его за плечо.

Жена Мичурина, Александра Васильевна, увидев Павлушку, спросила у Ивана Владимировича:

— Кого это ты привёл?

— Гостя привёл!.. — усмехнувшись, ответил

Мичурин. — Самовар надо поставить... Почёт надо гостю оказать. Варенье к чаю подай...

Утреннее солнце играло на ярких боках начищенного самовара, искрилось на стекле гранёных вазочек с вареньем.

Александра Васильевна разлила чай. А Мичурин сам намазал вишнёвым, без косточек, вареньем большой кусок пшеничного хлеба и положил его перед Павлушкой.

Совсем уже со стыда готов был сгореть Павлушка, увидя это угощение.

— Ешь, не бойся, — сказал ему Мичурин.

Тут уже Павлушка не выдержал, заплакал. Глотая слезы вперемешку с хлебом, он размазывал по мокрым щекам варенье.

Мичурин спросил:

— Что же ты плачешь? Стыдно тебе стало, что ли?..

— Стыдно, — пролепетал Павлушка.

— А будешь ещё яблоки воровать?

Павлушка долго-долго молчал и, наконец, ответил:

— У вас... не буду...

— А у других будешь? — усмехнулся Мичурин.

Павлушка словно воды в рот набрал. Так и не сказал на это ничего.

Зато, когда Павлушка, наконец, был отпущен Иваном Владимировичем и вернулся домой, он собрал всех ребят и строго-настрого запретил им лазать в сад к „длинноусому“. Так ребята между собой звали Мичурина.

— Он велел в сад к нему приходить, когда он сам нас позовёт, — пояснил Павлушка. — А кто посмеет к нему забраться, тому я все рёбра переломаю, — пригрозил он.

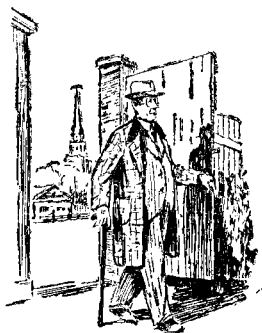
Так как Павлушка был из всех ребят самый сильный и смелый и считался „коноводом“, — ребята послушались его.

После этого набеги ребят на мичуринский сад прекратились.

Ни сам Павлушка, ни его товарищи больше уже не появлялись в саду Ивана Владимировича.

КАК АМЕРИКАНЦЫ СМАНИВАЛИ МИЧУРИНА

Самая северная часть Америки называется Канадой. Там нередко бывают очень лютые зимы.

И вот однажды пришло Мичурину из Канады письмо. Канадцы писали ему, что у них за последнюю зиму от жестоких морозов погибли все вишни, кроме одного только сорта. Это

был сорт, выведенный Иваном Владимировичем и какими-то путями попавший в Америку. Он так и назывался: „мичуринская плодородная“.

Рассыпаясь в похвалах, канадцы усиленно просили Мичурина прислать им как можно больше тех сортов, которые он вывел.

Но хоть и лестное было письмо, Мичурин не очень торопился исполнить просьбу заморских садоводов.

„Для людей родной страны в первую очередь вывожу я свои новые сорта“, — размышлял он.

Однако американцы не унялись.

Через некоторое время приехал к Мичурину в Козлов один такой американец. Да не про-

стой какой-нибудь, а профессор по имени Френк Норрис Мэйор.

Одет был американец в широкое клетчатое пальто и шляпу. А Мичурин, вышедший к нему навстречу, был одет так скромно, что американец принял его за садового рабочего.

Иван Владимирович не спешил раскрывать, кто он такой, но американец быстро догадался, что перед ним находится сам Мичурин.

Он начал соболезновать Ивану Владимировичу: — Удивительно и непонятно, мистер Мичурин, почему ваше правительство не даёт вам достаточно слуг? (Он хотел сказать „слуг“, „работников“.)

А правительство было в то время в России царское. Оно мало интересовалось трудами и успехами Мичурина. Даже денежной помощи не давало оно Мичурину, не говоря уже о том, чтоб нанять для него работников.

— И ещё более удивительно, — продолжал американец, — что ви один, без всякая помощь, создал такой чудесный сад!

А сад в ту пору у Мичурина был уже в самом деле чудесен.

На ветвях неприхотливых „китаек“ висели крупные, красивые, разноцветные яблоки новых сортов: „кандиль-китайки“, „шафран-китайки“, „бельфлёр-китайки“. На других деревьях красовались знаменитые мичуринские груши — „беревимняя“, „бере-победа“ — сладкие, душистые, такие сочные, что таяли во рту, как масло...

Множество сортов вишен и слив было выведено Мичуриным. Свой северный виноград и не боящиеся зимы абрикосы мог показать Мичурин гостю. А сколько всякого иного добра было в саду: и малина „гигант“, и ежевика

„изобильная“, и смородина с ягодами, похожими по размерам на вишню... А розы, а лилии!..

Без конца восторгался американец Мэйор тем, что он увидел в саду Мичурина.

И наконец, с глубоким и почтительным поклоном он сказал Мичурину так:

— Я прислан для того, чтобы пригласить вас в Америку, мистер Мичурин... Мы, американцы, настолько богаты, что можем купить все ваши деревья, выкопать их с корнями из земли, упаковать, как полагается, и погрузить их вместе со всем вашим имуществом и семейством на специальный пароход! Дайте только ваше согласие, и всё это немедленно будет сделано!

Невозможно было, однако, соблазнить патриота Мичурина, до глубины сердца преданного родной стране — России. Он наотрез отказался. Теперь он уже вслух высказал то, о чём думал после письма канадцев.

— Я никогда не покину родную землю и свой народ, для которого тружусь всю жизнь, — так гордо и твёрдо ответил он американцу.

Долго уговаривал американец, долго соблазняя Мичурина разными выгодами и благами, которые Мичурин, по его словам, мог получить от переезда в Америку. Иван Владимирович и слушать не хотел об этом.

Пришлось ни с чем уехать домой, за океан, американскому профессору Мэйору.

Но американцы и на этом не успокоились.

Снова, через некоторое время, пришло Мичурину письмо, на этот раз уже от американского правительства.

Опять, уже в письменном виде, повторялись все уговаривания и соблазны:

„Вы можете выбрать себе в Америке любую местность, какая только Вам, мистер Мичурин, понравится, даже такую местность, какая будет напоминать Вам Ваше российское местожительство, — так писали американцы. — Мы предоставим Вам любое количество помощников и, кроме всего, — восемь тысяч долларов жалованья чистым золотом...“

Но американское золото и на этот раз не соблазнило Ивана Владимировича. Он ответил на письмо полным, решительным отказом.

Мичурин остался верен своему народу и до конца своих дней продолжал служить родной стране.

Понять всё величие и благородство этого поступка будет особенно легко, если припомнить, как бедствовал Мичурин в те времена. Равнодушие и невнимание царского правительства заставляли его весь свой скромный доход тратить на научные опыты, на развитие своего чудесного сада. Из-за этого и он сам и семья его часто имели для питания только чёрствый чёрный хлеб да воду, подкрашенную дешёвым чаем.

И всё-таки он, как человек искренне любящий свою Родину, не соблазнился американскими предложениями.

КАК ПРИХОДИЛА ПОДМОГА

Сидел однажды Иван Владимирович на крылечке своего дома и кормил разных птиц крошками хлеба да остатками каши от обеда. Он очень любил крылатое племя, которое, как известно, очищает сады от вредных червяков и насекомых.

И вот слышит он за углом дома твёрдые, по-военному чёткие шаги.

„Кто бы это мог быть?“ — подумал Мичурин.

Через несколько секунд перед ним появился молодой человек в серой военной шинели и в военной же фуражке. С неё, судя по пятнышку, совсем недавно была снята пятиконечная звёздочка Красной Армии. А дело было в 1921 году, когда еще не совсем закончилась гражданская война и Советской России приходилось вести борьбу против внутренних и внешних врагов.

Молодой человек остановился перед Мичуриным и по-военному козырнул.

— Кто такой? — спросил Мичурин.

— Разрешите доложить, Иван Владимирович, — почтительно сказал пришедший. — Я

уездный инструктор по садоводству — Осип Горшков.

— Вот оно что! — сказал Мичурин. — Что же ты ко мне — учить или учиться?

— Конечно, учиться! — без промедления ответил молодой человек.

Ответ этот Мичурину понравился.

— Может быть, и переучиваться кое в чём придётся, — улыбнувшись, сказал Иван Владимирович.

— На всё готов, Иван Владимирович! — и опять сделал под козырёк, по-военному, молодой гость. — Партия большевиков направила меня к вам — быть вашим помощником, если это вам потребуется.

— Спасибо партии, — сказал Мичурин. — Если ты годишься быть моим помощником, конечно, я буду очень рад тебя принять.

— Проверьте мои знания, Иван Владимирович! — просто и смело сказал Осип Степанович Горшков.

— Готов и к экзамену? — опять улыбнувшись, сказал Мичурин. — Ну что же, давай приступим, если так...

Часа два экзаменовал он молодого инструктора Осипа Степановича Горшкова по всем вопросам садового дела и садовой науки. Спрашивал и про прививки, и про обрезку деревьев, и про искусственное опыление, и про защиту деревьев от вредителей, и про то, как различать, сортировать плоды, и про то, как убирать их, хранить.

Не один раз прошибал пот молодого садовода Горшкова, когда, добродушно прищурившись и покачивая головой, старый учёный говорил время от времени:

— Нет, вот в этом ты ошибаешься, Осип Степанович... Не так это, а вот как...

Мичурин тут же разъяснял гостю, как надо правильно делать то или иное дело, как надо правильно понимать то или другое явление.

Но строгий экзамен оказался всё же вполне удачным и благоприятным для Осипа Степановича Горшкова.

— Понапутал ты кое в чём, молодой товарищ, но это дело поправимое, — так сказал в заключение Мичурин. — Будешь со мной работать — всё изучишь и всё постигнешь.

Эти слова обозначали, что Мичурин принимает Осипа Степановича к себе в помощники.

Радостный ушёл Горшков из чудесного сада, и со следующего дня стал заправским, полноправным помощником Ивана Владимировича.

Мичурин поручил ему большое, важное дело: засаживать новыми его, Мичурина, сортами все те новые площади земли, которые предоставила советская власть для расширения мичуринских садов.

С этой задачей Горшков справлялся настолько хорошо, что вскоре Мичурин сделал его не только помощником, но и своим заместителем.

Управлять большим, всё расширявшимся после революции, хозяйством уже стареющему Мичурину самому становилось всё труднее.

Осип Степанович Горшков стал его „правой рукой“ по управлению всеми питомниками.

Но вскоре и Горшкову стало трудно справляться и с научной работой, и с руководством людьми.

Вот тут-то и ещё подоспела подмога.

Вышел как-то вечером Иван Владимирович в свой сад и видит: нервно ходит взад и впе-

рѣд по одной из аллей рослый, плечистый человек лет двадцати пяти. Фуражку свою в руках мнѣт, и ветерок раздувает ему светлые, соломенного оттенка кудри.

Что-то знакомое подметил Мичурин в чертах лица у этого человека, но сразу не смог припомнить, где и когда он его видел.

А светловолосый человек, увидев Мичурина, сам подбежал к нему и с волнением заговорил:

— Иван Владимирович! Вы, вероятно, меня уже забыли... А ведь я тот самый Павлушка, которого вы когда-то, лет пятнадцать тому назад, в саду у себя поймали. Да не побили, а даже вареньем угостили...

Теперь Мичурин и сам припомнил, кто стоит перед ним.

— Ого! Вот так вырос ты, возмужал, — улыбаясь, похлопал он по плечу бывшего своего „пленника“. — Надеюсь, что и ума за это время набрался...

Оказалось, что гость его — Павел Никанорович Яковлев — успел за прошедшие годы окончить сельскохозяйственный институт и получить звание агронома по плодоводству.

— Что же ты пришёл ко мне извиняться за прошлое или хочешь моему делу послужить? — ласково спросил Мичурин.

— На любую должность готов к вам поступить, Иван Владимирович, хоть сторожем садовым, лишь бы только быть возле вас и учиться вашему искусству, — горячо сказал Павел Яковлев.

Мичурин усмехнулся.

— Для садовых сторожей другие люди найдутся, — сказал он дружески. — А тебя я, ко-

нечно, к себе приму. Дела для тебя найдётся достаточно!

Вот так-то и стал бывший коновод ребячьих набегов на мичуринский сад вторым, ближайшим помощником великого учёного. Не забыл он хороший урок, полученный когда-то от Ивана Владимировича. Пошли ему на пользу и „страшная прогулка“ и чаепитие с вареньем да со слезами вперемешку.

Мичурин не нарадовался на своих помощников — Горшкова и Яковлева. Он очень ценил их способности и помогал им приобретать всё новые и новые знания.

По его ходатайству, Яковлев был зачислен в Академию наук для подготовки к научной деятельности.

Прошло несколько лет, и Павел Никанорович Яковлев получил звание доктора биологических наук. А тем временем советское правительство создало в городе Козлове большой институт по плодоводству, где работали десятки молодых учёных.

В шуточные, весёлые минуты Иван Владимирович дружески говорил своим ученикам-помощникам:

— Тебя, Осип Степанович, я никуда от себя не отпущу. Без тебя всё дело остановится... А вот Паша, — так он звал теперь Яковлева, — должен звания академика достигнуть чтобы с честью отстаивать наше дело перед всеми учёными.

Предсказание Мичурина сбылось.

Сейчас Осип Степанович Горшков возглавляет всё огромное хозяйство мичуринских садов и питомников, оставшихся после смерти Ивана Владимировича.

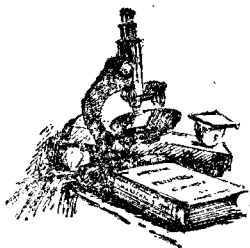
А Павел Никанорович Яковлев, бывший вихрастый и босоногий Павлушка, с честью заслужил высшее учёное звание советской страны — звание академика.

Оба они помогают Трофиму Денисовичу Лысенко высоко держать знамя мичуринского учения о преобразовании природы человеком.

А кто такой Лысенко, — вы узнаете из следующего рассказа.

МИЧУРИН И ЛЫСЕНКО

Вы, может быть, слышали о том, как Мичурин помогал прорасти абрикосовым косточкам? Он осторожно надкалывал скорлупку, и благодаря этому заключённое в скорлупке семечко очень быстро давало хороший,

сильный росток — всход.

Но не только абрикосам помогал Мичурин быстро расти, покрываться сочной листвой и обильными, пышными цветами.

Мичурин всем растениям старался помочь лучше развиваться и принести хорошие плоды.

Больше всего любил Мичурин помогать растениям, когда они ещё маленькие, юные. Он знал, что если к медленно растущему деревцу привить веточку от быстро растущего, то ускорится и рост ленивого, медленного в росте деревца. Если к плохо цветущему привить почки или веточки от хорошо цветущего, — то и оно хорошо зацветёт. Любые плоды — груши, яблоки, вишни — улучшал Мичурин этим способом.

Но вот однажды Мичурин прочитал в газете интересное сообщение: в одной украинской деревне крестьянин Денис Никанорович Лы-

сенко, по совету своего сына, молодого агронома Трофима Денисовича Лысенко, сделал необыкновенное дело: он превратил озимую пшеницу в яровую.

Дело было так: в одну из зим у Дениса Никаноровича Лысенко подопрела от дождей и оттепели озимая пшеница, то есть пшеница, посеянная с осени для зимовки на полях. Такая пшеница, как известно, даёт ростки ещё осенью, и если зима холодная, снежная, то так и зимует озимая пшеница своими всходами под снегом. А когда наступает весна, то ей остаётся только расти и наливать колос.

Огорчился Денис Никанорович, думает: как теперь ему быть? Можно бы на пропавшем поле посеять яровую пшеницу, ту, которую весной сеют. Но, к сожалению, нет у него такого зерна, да и ненадёжна в тех местах простая яровая пшеница. Вдруг засуха ударит, — вот и погибнут яровые всходы, не успеют развиваться, выколоситься.

Тут-то и пришёл на помощь старшему Лысенко его сын, молодой агроном.

— Вот что, отец, — сказал он. — Давай возьмём мешок озимого пшеничного зерна и поможем ему превратиться в яровое.

Смотрит Денис Лысенко на сына, удивляется:

— Что ты, сынок, говоришь? Разве можно озимое зерно сделать яровым? Да ведь это же разные сорта!

Верно, так до той поры все и думали, что озимая пшеница — это один сорт, а яровая — совсем другой. Никому и в голову не приходило, что озимую пшеницу можно переделать в яровую.

Однако сын Дениса Никаноровича Лысенко, Трофим Денисович стоял на своём:

— Говорю, отец, давай попробуем...

Пожал плечами, развёл руками отец, но решил послушаться сына. Взяли они мешок озимого зерна. Трофим Денисович велел его рассыпать толстым слоем на полу в зерновой клетке и полить слегка водой. А от влаги, как известно, зерно нагревается, даёт тепло. А тепло оно даёт потому, что сейчас же, как только попадёт в него влага, начинается в каждом зёрнышке внутреннее движение, набухание ростков.

Чтоб зерно не перегрелось слишком да не дало бы раньше времени ростков, отец и сын Лысенко ворошили его время от времени лопатами, ослабляли его нагрев, а стало быть, и его бурный внутренний рост.

Отец удивляется, для чего всё это делается, а сын ему разъясняет:

— Сейчас наше зерно проходит свою осень, ту часть своей жизни, которую оно проходит осенью, сразу после посева в землю.

Начал догадываться Денис Никанорович, куда дело клонится, повеселел.

Подержали они так зерно, сколько следует, с влагой, в толстой россыпи, ворошили лопатами — перелопачивали; а потом Трофим Денисович велел собрать зерно опять в мешок и закопать его в снег.

— Теперь оно будет свою зиму проходить, — пояснил он отцу. — Осень мы помогли ему пройти, теперь так же ускоренно пусть пройдёт оно и свою зимовку.

И с этим согласился Денис Никанорович, окончательно понял, чего хочет сын.

Когда зерно достаточно охладилось, его можно было высевать.

Посеял Лысенко-отец это зерно в весеннюю землю и стал ждать: каков-то урожай из него будет? Следит сам он за своим полем, следят и соседи — и все удивляются. Ростки, всходы даю это удивительное поле гораздо раньше, чем другие яровые поля, соседские.

А когда стали наливаться колосья, то все так и ахнули:

— Ну и пшеница уродилась у Дениса Никаноровича Лысенко!.. Как в сказке, что ли, он подчинил себе природу?

Но ничего сказочного, необъяснимого тут, конечно, не было, как не бывало чудес и у самого Мичурина.

Просто сумел молодой агроном Трофим Денисович Лысенко понять, чего требует природа.

А затем, в согласии, в содружестве с природой, он повернул развитие капризного растения — пшеницы — на такой путь, какой был больше всего удобен и выгоден человеку.

Трофим Денисович Лысенко назвал свой способ ускорения роста пшеницы — „яровизацией“. Это и понятно почему: озимую пшеницу он превратил в яровую... Да и не просто в яровую, а в удивительную скороспелку!

Вот какое сообщение прочитал Иван Владимирович Мичурин в газете. И он сразу же понял, что Трофим Денисович Лысенко — его последователь, его ученик. Он также умело управляет природой растений.

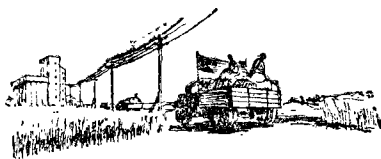
Мичурин так и сказал своим помощникам про Трофима Денисовича Лысенко:

— Этот человек будет надёжным продолжателем моего дела!

Мичурин не ошибся.

Сейчас академик Трофим Денисович Лысенко является верным продолжателем мичуринского дела. Он возглавляет многочисленную армию мичуринцев в Советской Стране.

Мичуринское учение находится в надёжных руках. И все те способы, какими помогал растениям развиваться сам Мичурин, являются хорошим оружием академика Лысенко в борьбе за преобразование природы.

СИБИРСКАЯ ШУБА

Явился как-то раз в сад к Мичурину приезжий человек. В отличие от многих других посетителей, он больше всего заинтересовался мичуринскими розами. Другие больше на яблоки да на груши любуются, а этот глаз от роз не отводит.

Если вы припомните рассказ о розах, — там говорилось, что Мичурин приучал свои розы расстилаться по земле, чтобы зимой снег укрывал их, как шубой, и защищал от самых лютых морозов.

Целый день ходил приезжий человек возле мичуринских роз: всё их осматривал пристально и внимательно. Даже на корточки присаживался и измерял складной линейкой, какой длины у них стебли да на каком расстоянии стелются они от земли?..

Меряет так и в тетрадку записывает свои измерения.

Мичурин заметил этого человека и сам заинтересовался: ему было приятно, что приезжий человек проявляет такое внимание к его любимце — розе.

Иван Владимирович подошёл к незнакомцу-гостю и спрашивает:

— Не скажете ли, чем вас так розы мои привлекли?

Гость поднялся, с уважением поклонился Мичурину и ответил:

— Я считаю, Иван Владимирович, что вы этими розами должны ничуть не меньше гордиться, чем самыми чудесными вашими яблоками и грушами.

Мичурин всю свою жизнь был очень скромным человеком. Он легонько нахмурился и сказал:

— Не ради гордости я сад свой выращивал, а чтобы жизнь народную украсить, улучшить.

А приезжий человек и на эти слова не замедлил ответить:

— Ваши стелющиеся розы большую пользу принесут народу, Иван Владимирович...

Слово за словом, и Мичурин узнал, что человек этот приехал к нему из далёкой, суровой Сибири.

— Не собираетесь ли розами Сибирь засадить? — с добродушной, лукавой прищуркой спросил Мичурин.

— Посмотрим, что удастся, — без похвальбы ответил гость. — Поживём — увидим...

Ответ этот напомнил Мичурину, как сам он так же отвечал когда-то людям, которые над ним посмеивались.

Он крепко пожал руку гостю и сказал:

— В добрый час! Что бы вы ни задумали, — от всей души желаю удачи. Да только об удаче этой и меня прошу оповестить.

Сибирский гость горячо поблагодарил Мичурину за доброе пожелание и вскоре уехал домой, в Сибирь.

Прошло с тех пор некоторое время, и вот начали появляться в газетах заметки, что в суровой Сибири, сначала возле города Омска, а потом возле города Красноярска, ещё севернее, производятся удивительные опыты над деревьями.

Тот человек, по фамилии Кизюрин, который был когда-то у Ивана Владимировича Мичурина и изучал его стелющиеся розы, стал приучать и деревья — яблони, груши, вишняк — расти не вверх, как обычно, а тоже расстилаться по земле.

Как только прочитал Мичурин это сообщение, он сразу догадался, почему сибирский гость так интересовался его розами.

— Вот молодец! — одобрительно сказал Мичурин своим помощникам. — Он задумал правильное дело!

Прошло ещё некоторое время, и Мичурин получил из Сибири обещанное письмо.

Сибиряки сообщали ему об удаче и описывали, как они этой удаче добились.

Так же, как Мичурин поступал со своими розами, сибирские садоводы, его последователи, пригибали стволы молодых деревьев к земле и привязывали их к прочным колышкам. Когда на пригнутых стволах отрастали веточки, эти веточки тоже расстилались вдоль земли и тоже на некоторый срок прикреплялись к колышкам в лежачем положении.

Своими стелющимися ветвями молодые деревца как бы обнимали родную землю, прижимались к ней, ища у неё тепла и защиты.

И они не разочаровались: они, эти стелющиеся деревца, получали от матери-земли и

тепло, и защиту, и даже усиленное питание!

Наука давно уже установила, что земля греет круглый год — и весной, и летом, и осенью. Зимой, правда, меньше, но всё-таки...

Лёгкое тепло земли обогревает молодые деревца и помогает им лучше развиваться. Кроме того, питательные соки земли меньше расходуются в таком положении на высокий рост деревьев. Большая часть соков идёт на цветы и плоды стелющихся деревцов.

Получается больше цветов, а плоды, которые вызревают из цветов, выходят и крупнее, и сочнее, и слаще.

Но и это ещё не все выгоды!

Самая главная выгода стелющихся деревцов — это та, что они на зиму целиком укрываются снеговой шубой.

Вы знаете, какие глубокие снега бывают зимой по всей России. В Сибири снеговая шуба, которую надевает на себя земля, ещё пышнее, ещё толще, чем у нас. А вместе с собой земля укрывает своей снеговой шубой от жестоких морозов и те стелющиеся деревца, которые так доверчиво и любовно обнимают её, землю, своими ветками.

Мичурин мог законно радоваться такому замечательному достижению своих сибирских учеников.

Из его мудрой мысли родилась эта новинка садоводства. Да и не просто новинка, а целый переворот в деле разведения садов!

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1939 и 1940 годах, ещё перед Великой Отечественной войной, сибирские садоводы показывали свои стелющиеся яблоневые и грушевые деревья. Тысячи людей восхищались этой побе-

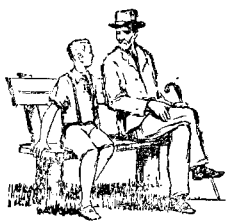
дой мичуринской мысли. Огромные, красивые яблоки лежали прямо на земле, как огурцы или тыквы и кабачки, свисая с прилегающих к земле ветвей.

Это было так необыкновенно, что люди с трудом верили своим глазам. А сейчас уже десятки тысяч гектаров занято в Сибири стелющимися плодовыми садами, яблоневыми, грушевыми, вишнёвыми... Суровая Сибирь всё меньше нуждается в привозных сладких фруктах.

Ученики Мичурина обеспечили обширную сибирскую землю великолепными плодами. Их научила этому мичуринская роза!

СЛАДКАЯ РЯБИНА

Пришли однажды к Мичурину ребята-школьники. Много они слышали от старших о работе Ивана Владимировича и захотели познакомиться с ним и с его „садом чудес“.

Сад и верно был необыкновенный!

Выглядел он как-то особенно, не как другие сады. Среди пышной листвы яблонь, груш и прочих деревьев виднелись странные белые колпачки из марли, вроде сачков, которыми ребята ловят жуков и бабочек.

Тишина стояла над садом, хоть и виднелись в тенистых аллеях чем-то занятые, молчаливо работающие люди. Только пчёлы и шмели гудели кругом, да неугомонные птицы заливались в листве.

— Как бы нам с Иваном Владимировичем познакомиться? — чуть не шопотом спросили ребята у сторожа.

Сторож оглядел ребят: не озорники ли какие пришли?

Видит, — нет, должно быть, и в самом деле интересуется их сад и работа Мичурина.

— Идите вот по этой аллее прямо, — сказал сторож. — А потом сверните налево. Там есть скамеечка под большой яблоней... На ней Иван Владимирович любит сидеть, когда отдыхает.

Пошли ребята, как им было сказано: сперва — прямо, потом — налево, и, верно, увидели, что сидит под большой яблоней на скамейке седой сутуловатый старичок с небольшой острой бородкой. На голове у него была светлая фетровая шляпа, а одет он был в лёгкий просторный пиджак из полотна, с длинными полами и большими карманами. В руках у старичка виднелась тонкая железная палочка.

Боятся подойти к нему ребята, стоят поодаль и толкают тихонько друг друга:

— Ты первый иди... Нет, ты...

Услышал, что ли, Мичурин их разговор или просто их заметил, только вдруг повернулся к ним и манит их железной палочкой: идите, мол, не бойтесь.

Приободрились ребята, подошли к Ивану Владимировичу.

А он спрашивает:

— Зачем пришли? Чудеса смотреть? — И заговорил, словно сам с собою: — Все идут ко мне чудеса смотреть. А чудес у меня никаких нет! Все могут то же самое сделать, а может быть, ещё и лучше... Однако и то хорошо, что идут... Посмотрят, поучатся и сами возьмутся за дело. А праздношатающихся я не люблю! Ну-ка, кто сюда просто так, развлекаться пришёл? Подымай руку.

Никто из ребят, конечно, руки не поднял.

— Что же вы хотите посмотреть? — спросил Мичурин, усмехнувшись.

Осмелели ребята понемногу. Один из них, пионер Вася, постарше других, вышел вперёд и сказал:

— Покажите нам самое главное в вашем саду, Иван Владимирович.

Мичурин немного задумался.

— Самое главное, говорите? Это показать нелегко. Ведь главное здесь не одно какое-нибудь плодовое дерево, а то, что человек может разумно изменять природу растений. А вот показать вам, что здесь мне особенно дорого, я могу. Только, чур, условие, ребятки. Вы сами должны догадаться об этом.

Совсем интересно стало ребятам. Как видно, вроде загадки хочет им Мичурин загадать. Обрадовались они, загалдели, как галчата:

— Хорошо, хорошо, Иван Владимирович! Постараемся догадаться, только уж вы нам всё как есть покажите.

Опять усмехнулся Мичурин, поднялся со скамеечки и повёл ребят по саду. Все чудеса свои показал им. Показал необыкновенные яблоки, что под марлевыми колпачками скрывались, вроде пойманных голубей, сами величиной с молодого голубя.

— „Пепинами“ называются эти яблоки, — объясняет Мичурин. — А вот эти — „бельфлёры“, — продолжает он, показывая огромные яблоки, хотя ещё и не совсем поспевшие.

Показал грушу „бере“, что, как масло, во рту тает, и сливы с куриное яйцо, и вишни крупноплодные — „краса севера“ — такие, что больше двух штук в рот не упрячешь.

И абрикосы свои показал, и виноград, не боящийся морозов, по имени „арктик“, и восхитительную по вкусу и запаху актинидию ананас-

ную: с виду её ягоды были похожи на длинненькие бутылочки, прозрачные, как зелёное стекло.

Показал Мичурин ребятам и душистые фиалковые лилии, и стелющиеся, уходящие под снег зимой, — а стало быть, и не боящиеся никаких холодов, — розы, и все другие свои замечательные растения.

Ходят с ним ребята, прямо онемели от удивления и восторга, а он нет-нет да усмехнётся снова и спросит:

— Ну что же, не догадались ещё?

Растерялись ребята, не знают, что сказать, — как бы не ошибиться!.. Всё здесь удивительно, всё не как в простых садах!

И вот, наконец, привёл Мичурин ребят к той самой скамеечке, на которой они его застали, сел на неё, руки палочкой подпёр, подбородок на руки положил, смотрит на что-то перед собой, слегка улыбается в седые усы и снова спрашивает:

— Ну, так что же, ребята, вам больше всего в моём саду понравилось?

Молчат ребята, робеют, не знают, что отвечать. Только тот Вася, который с ним первый с самого начала заговорил, вдруг вроде как о чем-то догадался. Взглянул он в ту сторону, куда Мичурин смотрел, и понял, что смотрит Иван Владимирович на два каких-то совсем особенных деревца: у одного листья, как у черёмухи, а у другого, как у рябины, но ягоды на обоих, как у вишни — чёрные, блестящие, только у первого кисточками висят, а у второго — ровными щёточками.

Смотрит Мичурин на эти деревца, а сам нет-нет да и взглянет на ребят искоса: когда же, мол, наконец, они ему своё слово скажут?

Вася опять набрался решимости и спрашивает:

— А не это ли, Иван Владимирович, самые удивительные из всех ваших растений?

Засмеялся Мичурин, похлопал Васю по плечу.

— Молодец! — сказал он. — Ты угадал... А знаешь ли, что это за деревца?

Молчит Вася. И он растерялся.

— Ну, слушай, — успокоил его Мичурин. — Первое деревцо, что справа, — это черёмуха, а второе, что слева, — это рябина.

— Как черёмуха? Как рябина? — зашумели ребята. — У черёмухи ягодки малюсенькие, а у рябины должны красные быть, когда созреют, а пока ещё не созрели, то они бывают оранжевые и жёлтые...

— А я вот решил их такими сделать, какие вы видите, — возразил Мичурин. — Все вы знаете, сколько у нас на просторах земли нашей растёт дикой черёмухи да рябины... Мало от них пользы и удовольствия людям, разве что только цветёт черёмуха красиво, а из рябиновых ягод ребята бусы делают себе осенью. Вот я и мечтаю, — продолжал Мичурин, — не только о том, чтобы как можно больше было яблонь и груш и слив в садах нашей Родины, но чтоб даже простая черёмуха с рябиной превратились в полезные для человека растения. Решил я сделать и черёмуху и рябину не хуже сестрицы их по растительному царству — сладкой вишни! Вы только представьте себе, — если вся наша страна покроется неприхотливой сладкой рябиной...

Отведали ребята и тех и других ягод. У новой черёмухи, которую, как вы помните, Мичурин назвал „церападус“, ягоды были ещё чуть-

чуть с лёгкой горчинкой, и только по две-три таких ягоды дал ребятам Иван Владимирович — вкус попробовать.

Зато сладкой рябины наелись они вволю.

— Теперь рябиновые бусы и кушать можно, а не только на шее носить! — уже совсем осмелев, начали шутить ребята.

Мичурин опять засмеялся и покачал головой.

— Да вам и бус не наделать теперь из сладкой рябины, — сказал он с улыбкой. — Начнёте бусы делать, а сами все ягоды и съедите...

ЮНЫЙ МИЧУРИНЕЦ

Прошло уже немало лет после того, как умер Мичурин.

Школьники, которые побывали когда-то у Ивана Владимировича и ели у него в саду сладкую рябину, стали взрослыми людьми.

Вырос, кончил учење и тот пионер Вася, который всех смелее держался в гостях у Мичурина.

Звали его уже не Васей, а Василием Николаевичем, и был он теперь преподавателем естествознания в средней школе неподалёку от Москвы. Он и сам разводил теперь сад по-мичурински и много рассказывал о Мичурине своим питомцам-школьникам.

Вот собрал он однажды своих учеников и говорит им:

— Не хотите ли, ребята, навестить Ивана Владимировича Мичурина?

Те, которые постарше, закричали:

— Да ведь он умер, как же мы можем его навестить?

— Такие люди, как Мичурин, не уходят навсегда из жизни, — серьёзно ответил Василий Николаевич. — Пусть даже и в гробу он, в могиле, но память о нём берегут люди и продолжают его дело. Как же мы можем говорить о нём, как о мёртвом!..

Решено было поехать в город Мичуринск — познакомиться там с великим наследием преобразователя природы.

Только сошли ребята с поезда, — сразу же видят и чувствуют, как почитают здесь память Мичурина. Стены внутри вокзала украшены картинами — все мичуринские плоды показаны и самого ученого выставлен большой портрет.

С вокзала направились по главной улице и увидели в центре города большой памятник Ивану Владимировичу, а вскоре дошли и до его могилы.

Невысокое надгробие из чёрного блестящего мрамора; на нём золотыми буквами надпись: „Иван Владимирович Мичурин, родился в 1855; умер в 1935 году“. А по четырём углам надгробия стоят красивые деревца с серебряными дощечками, подвешенными к стволам.

А на дощечках надписи выгравированы: „бельфлёр-китайка“, „кандиль-китайка“, „пепин-китайка“, „шафран-китайка“.

На долгие годы встали как бы в почётный бессменный караул любимые деревья Ивана Владимировича, созданные им во время его славной жизни.

— Помните, что я вам говорил о „китайке“ — сказал Василий Николаевич своим спутникам, школьникам-экскурсантам. — Простенькую, мелкоплодную яблоню-полудичок он превратил в чудесные деревья, приносящие яблоки выс-

ших сортов. Какой прекрасный памятник он себе создал!

Постояли ребята в глубоком молчании возле священной могилы Мичурина, и вдруг слышат сзади себя весёлые, шумные голоса.

Оглянулись, — смотрит на них сотней окон огромное четырёхэтажное здание с надписью: „Институт плодоводства имени И. В. Мичурина“. А в окнах — студенты... Там у них перерыв между лекциями, вот они и шумят, обмениваются впечатлениями от лекций.

— Мичурин создал этот институт, — сказал Василий Николаевич. — Он часто бывал тут и на лекциях в последние годы своей жизни. Сотни и тысячи молодых садоводов выходят теперь из этого учебного заведения, продолжая мичуринское дело.

От могилы Мичурина школьники двинулись в тот самый сад, который был весь насаждён и выращен руками великого преобразователя природы, в тот самый сад, где когда-то и Василий Николаевич был в гостях у Мичурина.

С городского холма спустились к красивой, хотя и неширокой реке, осенённой с одной стороны высокими ивами. На другой стороне её раскинулся обширный сад, обнесённый проволочной решёткой-сеткой.

Над воротами, ведущими в сад, ребята прочли написанное большими буквами знаменитое завещание Мичурина: „Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё — наша задача.“

Снова вспомнили гости-школьники, что рассказывал им Василий Николаевич о том, как всю жизнь Мичурин боролся за власть над природой, как и сам он не ждал её милостей, а заставлял природу служить людям.

Тихо было в саду, когда вошли в него юные экскурсанты.

Наливались богатыми, сладкими соками яблоки, груши, вишни и сливы, виноград „арктик“ и смородина „золотистая“, абрикосы „товарищ“ и гигантская малина „техас“, ежевика „изобильная“ и актинидии, цвели пышные, яркие розы, душистые лилии. Словом, всё было так же, как при жизни Ивана Владимировича в те дни, когда был у него в гостях пионер Вася.

Юных гостей радушно встретили Мария Ивановна Мичурина, дочь великого садовода, сама уже глубокая старушка, а также племянница его Александра Семёновна. Обе они много лет были помощницами Ивана Владимировича.

Вышел к ним и академик Павел Никанорович Яковлев — тот самый Павлик, которого угощал когда-то Мичурин вареньем, изловив его в своём саду.

Много интересного рассказали они ребятам, а потом повели их в дом, где жил Мичурин и где до сих пор всё сохраняется в неприкосновенности — так, как было при жизни великого учёного.

Увидели ребята книги Мичурина, изданные на разных языках, посмотрели рукописи его сочинений и собственноручные зарисовки его с плодов и деревьев. Полюбовались они и замечательными приборами-инструментами, которые Мичурин, как прекрасный знаток механики, изготавливал своими руками. Там был чувствительный барометр, часы с сорокасуточным заводом, разные хитроумные садовые машинки для прививок и обрезок, — словом всё, чем когда-то при жизни занимался Иван Владимирович, что он любил.

Показали юным гостям и красивый шкаф-ларец, подаренный Мичурину Михаилом Ивановичем Калининым, и письмо Сталина в золочёной раме под стеклом, и телеграмму Ленина, и все другие драгоценные памятные предметы, вплоть до орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, которыми награждён был Иван Владимирович Мичурин.

Осмотрев старый сад, где Мичурин провёл почти сорок лет своей жизни, направились ребята на другую сторону города. Там раскинулись новые мичуринские сады, насаждённые за годы советской власти.

Тут уж просто глаза разбежались у юных экскурсантов. На десятки гектаров тянулись перед их глазами густолиственные, по ровным линиям посаженные, яблоневые и грушевые деревья. Казалось, ни конца, ни края нет этим чудесным, роскошным садам. Всё это было создано по мичуринским правилам его последователями и учениками.

Потом ребята заметили огромное красивое здание. Оно возвышалось в отдалении над зеленью садов и питомников.

— Это научно-исследовательский институт мичуринского плодоводства, — пояснил школьникам Василий Николаевич. — Здесь уже не студентов обучают, здесь почти все работники — учёные.

Осмотрели юные гости и новые мичуринские сады.

Вышедший к ним Осип Степанович Горшков показал им гигантские оранжереи, где можно было даже увидеть южные эвкалипты и кактусы, мандарины и лимоны.

А про обширные сады он сказал так:

— Из этих садов мы снабжаем посадочным и разводочным материалом весь Советский Союз: и Сибирь, и Урал, и Поволжье, и дальний Север. Сотни тысяч посылок отправляем мы во все концы страны — и для научных станций, и для детских домов, и для колхозов. А там из них разводят новые сады...

Много важного и интересного увидели, узнали ребята за время своего обхода мичуринских садов, но Василий Николаевич приберегал для них кое-что ещё.

— Вот что, ребята, — сказал он, порывшись в своём портфеле и достав оттуда какую-то бумажку. — Вот, ребята, — имеется у меня адресок один... Хотя вы, может быть, и устали, но всё-таки давайте сходим по этому адресу. Думаю, что вы не пожалеете и об этой прогулке.

Ребята уже убедились, что Василий Николаевич их зря не водит, показывает им только то, что в самом деле интересно.

Повёл их Василий Николаевич по адресу, что на бумажке был написан. Шли они довольно долго, по разным улочкам и переулкам и, наконец, пришли к домику.

Когда они постучали, им открыла калитку женщина.

Василий Николаевич спросил:

— Здесь живёт Миша Ковалёв?

— Это мой сын, — ответила женщина. — Проходите, он в саду.

Василий Николаевич и ребята вошли во двор и направились в сад.

Видят, — там мальчик лет двенадцати осматривает белые марлевые чехлики-мешочки, навязанные на ветвях. Развяжет, осмотрит, запи-

шет что-то в тетрадку и опять завязывает чехлик.

Увидев гостей, он на мгновение смутился, но быстро оправился.

— Здравствуйте! — приветливо сказал он Василию Николаевичу. — Это не про вас ли мне наш учитель говорил, что вы ко мне собираетесь?

— Правильно! — весело кивнув, ответил Василий Николаевич. — Твой учитель — мой старый друг, вместе учились... Я и привел ребят с тобой познакомиться.

Указав на развязанные чехлики, Василий Николаевич спросил:

— Это ты вторую проверку производишь?

— Да, — скромно кивнул мальчик. — Первая хорошо прошла, удачно, вот сейчас выясняю во второй раз, — все ли завязи от скрещивания целы.

— Что же ты с чем скрещивал, Миша? — спросил Василий Николаевич.

— Много у меня скрещиваний, — всё так же спокойно и серьёзно отвечал мальчик. — Есть и груша с айвой, и „китайка“ южная с „китайкой“ северной, и лесной орех с крымским, садовым, и яблоня местная, черноплодка — с настоящим мичуринским „бельфлёром“...

Тут уж мальчик не удержался и последние слова произнёс с гордостью, важно чуть-чуть!

Улыбнулся Василий Николаевич и говорит:

— Да, видим мы, Миша, что и сам ты — настоящий мичуринец... — Повернувшись к ребятам, он добавил: — Вот, не худо будет, если и вы такие же будете, пример возьмёте с Миши Ковалёва...

— Трудно это, — протянул кто-то из ребят-гостей.

— А разве мы трудностей должны бояться? — горячо сказал Миша. — Вот я так рассчитал: мне сейчас исполнилось двенадцать лет, я в пятый класс перешёл... На будущий год я семечки от нынешних скрещиваний посею, и будут они расти лет семь, пока сами зацветут и плоды на них созреют. Мне к этому времени будет уже девятнадцать лет, а может быть, и все двадцать. Много времени пройдёт, но это время пролетит незаметно, зато будут у меня в саду замечательные деревья. А разве Мичурин не так же делал?..

— Правильно, Миша! — опять сказал Василий Николаевич. — Ты окончательно нам доказал, что ты настоящий мичуринец!

Внимательно, с уважением осмотрели ребята весь садик Миши Ковалёва. Миша даже снял несколько марлевых чехлов, показал им завязи.

Простились с ним ребята с ещё большим уважением.

А когда возвращались на поезде домой, к Москве, то многие из них дали друг другу и Василию Николаевичу обещание, стать такими же мичуринцами, как двенадцатилетний Миша Ковалёв.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Кто был Мичурин	3
Мичурин и „китайка“	11
Путешествие Мичурина	17
Мичурин и розы	22
Как в Козлове созрел виноград	26
Грушеяблоня и черемвишня	30
Хороший урок	35
Как американцы сманивали Мичурина	41
Как приходила подмога	45
Мичурин и Лысенко	51
Сибирская шуба	56
Сладкая рябина	61
Юный мичуринец	67

Рисунки Б. Перепеч

Обложка В. Зенькович

**Отзывы и пожелания издательству
направляют по адресу: Ленинград,
Невский пр., 28, Детгиз**

Для младшего и среднего возраста

Ответственный редактор Б. Лето.

**Художник-редактор Ю. Киселев. Технический редактор Т. Айкина,
Корректор А. Дрожжина. Печ. л. 4³/₄. Уч.-изд. л. 2,63, Авт. л. 2,42,
М-32024. Подписано в печати 21-XI 1949 г. Тираж 45 000. Заказ № 201;
2-я фабрика детской книги Детгиза Министрства Просвещения
РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.**

2 p 15 n.